

Наконец, ближайшую лексическую параллель к интересующему нас месту можно найти в той же „Истории“ Иосифа Флавия. Там рассказывается о стенобитном орудии-таране: „И поставиша овенъ, ежъ есть древо велико и толъсто, подобно шегль корабельной, а в конецъ ж его всажено железо велико, рогато, имъ ж и овенъ наречется“.

Таким образом, бесспорно, что характерная лексика, использованная в повести, не содержит в себе ничего специфически новгородского и скорее ведет нас к словоупотреблению, свойственному южной Руси того времени. К этому же выводу приводят и некоторые наблюдения над грамматическими особенностями языка повести.

Так, обращает на себя внимание большое количество глагольных форм имперфекта 3-го лица единственного и множественного числа с флексией „ть“: хожашеть, учашеть, мышляшеть, бяхуть и т. п. Из общего количества 30 имперфектных форм 3-го лица в тексте повести такую флексию имеют 15. В то же время в Новгородской летописи вообще подобные формы очень редки. Это подтверждает положение, высказанное еще в 1852 году П. А. Лавровским и в последнее время поддержанное Л. А. Булаховским¹ и П. Я. Черных,² что флексия „ть“ для формы 3-го лица имперфекта не характерна для новгородских и вообще для северных письменных памятников и является признаком южнорусского происхождения того текста, в котором она встречается и преобладает. Подобное же наблюдение, может быть, следует сделать и относительно формы родительного падежа множественного числа существительного с основой на „ю“: корабель, цесаревь. В Новгородской летописи по списку С подобная форма не обнаружена. В Новгородских грамотах попадаются лишь два случая с флексией „евь“: „купчев“, „купцев“; все остальные формы без флексии „евь“. Между тем, в „Истории“ Иосифа Флавия это наиболее частая форма: царевь, властелевь, днєвь и т. п.

Таким образом, и по языковым особенностям памятник не следует считать специфически новгородским. Отпадает также, как показало исследование, необходимость предполагать заимствование повести в Еллинский летописец из Новгородской летописи. Лучшая порою сохранность текста повести в списках Еллинского летописца, чем в С, это подтверждает. Если мы учтем, что, по указаниям В. М. Истрина и А. А. Шахматова, Еллинский летописец уже существовал в 30-х годах XIII века (в добавление к чему следует указать на связь с Еллинским летописцем ряда летописных известий, восходящих, вероятно, к Ростовскому своду, как, например, рассказ о Липицкой битве под 1216 годом в Софийской летописи и др.), то предположение о путешествии повести из Царьграда в Новгород, а оттуда уже на восток Руси, где, видимо, сложился Еллинский летописец, следует признать невероятным.

Нужно еще указать, что как в рукописях Новгородской летописи (списки К, А, Т), так и во всех списках Еллинского летописца рассказ повести дублируется краткими сообщениями о тех же событиях; это может указывать на позднейшую вставку повести и в Новгородскую летопись и в Еллинский летописец из какого-либо общего, вероятно, южнорусского по происхождению и бытованию памятника.

¹ Л. А. Булаховский. „Слово о полку Игореве“, как памятник древнерусского языка. Сборник статей „Слово о полку Игореве“, изд. АН СССР, 1950, стр. 136.

² История культуры древней Руси, т. II, стр. 119.